

Погода в последние дни стояла удушающая. Столбик термометра дополз до каких-то совершенно диких отметок, и режиссёр Хуан наконец сдался: перекроил съемочный график. Никаких «температурных каникул» команде, разумеется, не светило — просто рабочие часы перенесли на раннее утро.

Теперь съемки шли с шести до девяти утра и с трех до шести часов дня. Плюс, конечно, ночные сцены. Подобный расклад позволял избежать полуденного пекла и при этом не тормозить рабочий процесс.

Смена в шесть утра означала, что к этому времени все подготовительные этапы должны быть завершены. Актерам приходилось заявляться на площадку к пяти.

Обычно от Линь Ханя пунктуальности никто не ждал. Ему заранее заготовили ворох оправданий: мол, парень только из больницы, надо побереечь себя. Каково же было удивление группы, когда в пять часов утра Линь Хань уже сидел на месте. Он приехал даже раньше Дуань Цунчжи. Стоило тому ступить на съемочную площадку, как новый ассистент Линь Ханя — не Сяо Ань, а другой, по фамилии Ван — тут же всучил ему изящную коробку.

Дуань Цунчжи скользнул взглядом по упаковке. Дорогое шоколадное ассорти.

Линь Хань действительно приехал ни свет ни заря и честно отпахал всю утреннюю смену. Днем он превзошел сам себя — распорядился заказать прохладительные напитки на всю команду.

Шоколад, ледяная газировка... Как известно, дареному коню в зубы не смотрят, а сытый желудок заглушает любой ропот. Вся съемочная группа мигом прикусила языки. Когда Линь Хань накануне заикнулся о том, что хочет устроить совместный ужин, пара человек демонстративно отказалась. Но к вечеру, во время финального опроса, желающих пропустить банкет уже не нашлось.

В этом, пожалуй, и заключалась великая магия денег.

Ближе к вечеру, когда пришло время смывать грим, Линь Ханя в общей гримерке не оказалось — он предпочел укрыться в собственном роскошном трейлере.

Оставшиеся мастера вовсю обсуждали подаренный шоколад. Дуань Цунчжи краем уха слушал их щебет и вскоре уяснил, что Линь Хань рекламирует этот бренд, а сама коробка в рознице тянет на несколько сотен юаней.

Дуань Цунчжи без тени сожаления протянул свой презент гримерше.

— Небольшой жест вежливости за чужой счет.

Гримерша для приличия немного посопротивлялась, но, убедившись, что парень действительно

равнодушен к сладкому, с улыбкой спрятала коробку:

— Ох, спасибо! Ну да, вы, парни, вечно не жалуετε сладкое.

Дуань Цунчжи лишь неопределенно хмыкнул. На самом деле под пальцами визажиста, получившего подарок, дело пошло куда нежнее и быстрее — это он ощутил сразу.

Едва закончив с его лицом, девушка с предвкушением вскрыла упаковку, отправила одну конфету в рот и протянула коробку Дуань Цунчжи. Тот отрицательно покачал головой.

Он не то чтобы ненавидел сладости, просто вкусовые рецепторы у него были гораздо чувствительнее, чем у большинства. Даже популярное молоко «Ванцзай» казалось ему приторным, а уж масс-маркетный шоколад и вовсе забивал рецепторы сахаром.

Сам он признавал только авторский шоколад ручной работы. Никаких громких брендов — его делала крошечная частная кондитерская в Европе, и стоил он, вопреки ожиданиям, не так уж дорого.

Кондитер поместья Цинь, господин Давид, тоже славился своим шоколадом, но Дуань Цунчжи его шедевры не жаловал. Все его мысли занимала та самая неприметная лавочка в Бельгии.

В четырнадцать-пятнадцать лет при его бешеных физических нагрузках у него периодически случались приступы гипогликемии. Обследования не выявили никаких патологий, и доктор Фан вместе с диетологом, так и не сумев скорректировать рацион, развели руками и посоветовали просто всегда носить с собой что-нибудь сладкое.

Чистый сахар Дуань Цунчжи не переносил, поэтому карманы его всегда были набиты шоколадом. Правда, от однообразия его быстро начинало тошнить, и вкусы приходилось менять чуть ли не каждые три дня.

Позже Цинь Кэ, отправляясь по делам в Европу, прихватил его с собой. Закончив с официальной частью, они долго путешествовали, и именно в Бельгии Дуань Цунчжи отыскал тот самый идеальный вкус.

Крошечный магазинчик на узкой улочке держали пожилой хозяин и пара подмастерьев. Ширина прилавка, выходящего на дорогу, едва превышала метр.

Тогда Дуань Цунчжи договорился с владельцем о ежемесячной доставке. Если верить календарю, очередная посылка уже должна была прийти. Жаль только, что лежала она сейчас в поместье Цинь, куда ему ход был заказан.

К хорошему привыкаешь быстро. И лишь лишившись этого, понимаешь, как сильно тебе его не хватает.

Выйдя из гримерной, Дуань Цунчжи нос к носу столкнулся с Линь Ханем.

Тот, судя по всему, караулил его специально.

— Дуань-лаоши, сегодня я угощаю всех ужином. Присоединяйтесь к нам, — с мягкой улыбкой предложил актер.

Дуань Цунчжи на вечер ничего не планировал, да и сам молодой господин Линь снизошел до личного приглашения. Стоило проявить вежливость — в конце концов, открытой вражды между ними не было.

Поскольку штат съемочной группы был огромным, Линь Хань арендовал банкетный зал поменьше, где уместились четыре стола. За центральным, предназначенным для руководства и ведущих актеров, сидел и Шэн И. Рядом с ним пустовало одно кресло.

Линь Хань изобразил дружелюбную улыбку:

— Пусть Дуань-лаоши сядет здесь, не возражаете?

Шэн И нахмурился. Тон Линь Ханя резал слух — вроде бы обычная вежливость, но сквозь нее так и сквозило высокомерное покровительство, словно он делал великое одолжение.

Дуань Цунчжи, который изначально собирался примоститься у края стола рядом с рыжим Фацаем, в итоге оказался пересажен к режиссерам.

Взяв на себя роль щедрого хозяина вечера, Линь Хань поднялся с бокалом, задавая тон всему застолью:

— С тех пор как я присоединился к проекту, я доставил вам немало хлопот. Этот первый тост — за всю нашу команду!

Присутствующие послушно пригубили свои бокалы, обмениваясь дежурными любезностями. Затем Линь Хань переключил внимание на режиссера Хуана. Тот принял жест уважения, но покровительственно осадил парня:

— Хорошо, хорошо. Мы ценим твоё рвение. Но ты только из больницы, так что не налегай на спиртное.

Линь Хань послушно закивал, но садиться не спешил. Его взгляд переместился на Дуань Цунчжи.

— Пока меня не было на площадке, Дуань-лаоши пришлось изрядно попотеть.

Дуань Цунчжи смерил его ответным взглядом.

«Он тут что, церемонию награждения устроил? Раздает благодарности направо и налево...»

Шэн И как раз успел наполнить его бокал пивом. Дуань Цунчжи уже потянулся к нему, когда Линь Хань притворно вздохнул:

— Мое здоровье все еще оставляет желать лучшего, и врачи строго-настрого запретили алкоголь. Так что я выпью за здоровье Дуань-лаоши чаем.

Атмосфера за столом мгновенно сделалась натянутой. Линь Хань — исполнитель главной роли, Дуань Цунчжи — всего лишь его дублер. По негласным правилам застольного этикета, если звезда выражает тебе почтение, ты обязан осушить свой бокал до дна, выражая ответное уважение.

Дуань Цунчжи едва не рассмеялся в голос. Он вырос в Поместье Цинь и все эти дешевые манипуляции за рюмкой читал с первого взгляда.

Какая дешевая комедия: сам цедит теплую водичку, а его заставляют пить алкоголь?

Даже когда он только попал в Поместье Цинь будучи подростком, никто не смел навязывать ему эти дурацкие правила. А уж после совершеннолетия и подавно дураков не находилось.

Особой злости он не испытывал — скорее, в очередной раз убедился, насколько мелок и жалок Линь Хань. Связываться с такой дешевкой — себя не уважать, но и покорно сносить его шпильки Дуань Цунчжи не собирался. Он не привык оставаться в дураках.

Парень со стуком прижал свой стакан к его чашке:

— В таком случае пожелаю Линь-лаоши скорейшего выздоровления.

Линь Хань пригубил простую воду. Дуань Цунчжи же, проигнорировав пиво, перехватил банку кокосового сока, которую Шэн И только что открыл для себя, сделал глоток и тут же поморщился от приторного химического вкуса. Поставив банку обратно, он потерял к разговору всякий интерес.

Линь Хань, осознав, что его изящный выпад полностью проигнорировали, уязвленно помрачнел. Дуань Цунчжи спокойно уткнулся в тарелку. Если не обращать внимания на клоунов, цирк быстро сворачивается.

Официанты начали разносить горячее, режиссер Ли вовремя вставил пару шуток, и неловкую паузу удалось замять.

— Кое-кому не мешало бы запомнить: смазливая мордашка еще не делает тебя звездой. Твоя внезапная популярность — лишь дешевый отблеск славы Линь-гэ. Ты просто похож на него. А без этого ты кто? Пустое место.

Дуань Цунчжи вышел из кабинки туалета и уперся взглядом в изрыгающего яд парня. Слегка притормозив, он спокойно обогнул изрядно захмелевшего Сяо Аня и подошел к раковине.

Ассистент за его спиной не унимался:

— Я вообще-то с тобой говорю! Линь-гэ проявляет к тебе снисхождение, так что будь добр, знай свое место и не наглей!

Дуань Цунчжи медленно, со вкусом намыливал руки. Равнодушие соперника только распаляло Сяо Аня.

— Ты оглох, ублюдок? Я к тебе обращаюсь!

Вытерев руки бумажным полотенцем, Дуань Цунчжи с мягкой, почти ласковой улыбкой повернулся к нему.

Сяо Ань, потеряв остатки инстинкта самосохранения, рванулся вперед и попытался толкнуть его в грудь. Промахнулся — ладонь встретила лишь пустоту.

— Ты чего дергаешься? Подраться захотел? Ну давай, сука, попробуй...

Договорить он не успел. Белая, изящная ладонь Дуань Цунчжи мертвой хваткой вцепилась в его воротник. Одним резким, отточенным движением парень приподнял ассистента над полом, швырнул обратно в туалетную кабинку и с грохотом захлокнул за ними дверь.

Сяо Ань с размаху приложился спиной о кафельную стену. Сложившись пополам, он судорожно закашлялся, пытаясь глотнуть воздуха, но Дуань Цунчжи снова вздернул его вверх за шкирку. В его правой руке холодным серебром зловеще блеснуло лезвие.

Острая сталь прижалась к горлу Сяо Аня. Ощувив едва заметный укол боли, тот мгновенно протрезвел. Хмель как рукой сняло.

В глазах Дуань Цунчжи не было ни капли злости — только леденящая душу пустота. И он все еще продолжал улыбаться.

Вжимаясь спиной в холодную плитку, Сяо Ань задрожал всем телом:

— Ты... ты чего... Я же просто... выпил лишнего. Дуань-гэ, тебе же в звезды идти, не губи жизнь из-за такого ничтожества, как я...

Дуань Цунчжи молчал. Металлическая полоска медленно, с легким нажимом скользнула по щеке ассистента.

— Протрезвел? — тихо спросил он.

Сяо Ань отчаянно закивал, боясь сделать лишний вдох, чтобы случайно не напороться на лезвие:

— Да, да! Все, я чист как стеклышко! Дуань-гэ, клянусь, больше никогда...

В дверь кабинки дважды громко стукнули, а затем припечатали подошвой.

— Какого хрена там заперлись?! Открывайте живо, терпеть мочи нет!

Дуань Цунчжи бросил короткий взгляд на дверь и спрятал лезвие:

— Чтобы это был последний раз.

Он распахнул дверь. Пьяный дебошир, собиравшийся разразиться новой порцией мата, наткнулся на взгляд Дуань Цунчжи и мгновенно заткнулся, испуганно отступив в сторону. Заглянув в кабинку и увидев сползающего по стенке Сяо Аня, мужик что-то пробормотал про гребаных психов и торопливо шмыгнул к писсуару.

Дуань Цунчжи еще раз тщательно вымыл руки. Возвращаться в душный банкетный зал не хотелось. Он отправил короткие сообщения с извинениями режиссерам Хуану и Ли, после чего спустился на лифте в холл и покинул отель.

Ночной воздух приятно охлаждал лицо, уличный шум умиротворял. Дуань Цунчжи не стал сразу вызывать такси, решив немного пройтись пешком.

Не успел он пройти и квартала, как у тротуара бесшумно притормозил до боли знакомый представительский автомобиль.

Дуань Цунчжи застыл.

Задняя дверца плавно поползла в сторону, открывая вид на просторный салон и его единственного пассажира.

Дуань Цунчжи иронично изогнул бровь:

— Что, Таньюань опять места себе без меня не находит?

Мужчина внутри на секунду замер.

— Дядя Ин, — бесстрастно отозвался Цинь Кэ.

Дуань Цунчжи мысленно закатил глаза. Ладно кот, но дворецкому точно не три года, чтобы плакать без него по ночам.

— Садись.

Дуань Цунчжи замешкался, но Цинь Кэ безошибочно считал его колебания:

— Я просто подвезу тебя.

Парень забрался в салон. Цинь Кэ открыл встроенный холодильник и достал оттуда коробку. Дуань Цунчжи с первого взгляда узнал фирменную упаковку своего любимого шоколада.

Следом на свет появился бумажный пакет поменьше.

— Новое творение господина Давида, — сухо добавил Цинь Кэ. — Дядя Ин просил передать.

Полноценно поужинать на банкете Дуань Цунчжи так и не успел, поэтому прямо в машине без лишних церемоний уничтожил изысканный десерт. К моменту, когда автомобиль свернул в его квартал, парень уже сидел, задумчиво обнимая прохладную жестяную коробку с бельгийским шоколадом.

— Ты знаешь, к кому обращаться, если возникнут проблемы.

Голос Цинь Кэ нарушил тишину.

Это означало лишь одно: все безграничные ресурсы и связи Поместья Цинь по-прежнему к его услугам. Обладая он хоть каплей наглости, с такой поддержкой мог бы за пару дней подмять

под себя весь отечественный шоу-бизнес.

Дуань Цунчжи прекрасно помнил, что находится в статусе «беглого бунтаря» и твердо вознамерился добиться всего сам. Но отказываться от протянутой руки не стал — глупо плевать в колодец, из которого, возможно, придется напиться.

— Хорошо.

До самого его подъезда они больше не проронили ни слова.

Машина остановилась. Дуань Цунчжи прижал коробку к груди, но выходить не спешил. Он резко развернулся к мужчине:

— И это все? Тебе больше нечего мне сказать?

Под его требовательным, полным скрытой надежды взглядом Цинь Кэ оставался непреклонен. Лицо его не выражало абсолютно ничего. Точно так же он молчал на кладбище — глухо, непроницаемо, словно каменное изваяние. Тогда Дуань Цунчжи мог хоть до дыр его засматривать — ответа так и не дождался.

Но сегодня он твердо решил стоять на своем до последнего.

Прошла минута тяжелого, звенящего молчания.

— Ложись спать пораньше, — наконец тихо произнес Цинь Кэ.

Дуань Цунчжи от такой заботы едва умом не повредился. Душа его готова была вылететь через пятки от ярости.

«Я ведь думал, что абсолютно безразличен ему. Но зачем тогда он упрямо раз за разом разыскивает меня по всему городу?»

А когда начинает казаться, что между ними еще теплится какое-то чувство, этот сухарь тут же окатывает его ледяной водой.

Возможно, все дело в банальной привычке. Как любимый бельгийский шоколад, отсутствие которого вызывает легкий дискомфорт, так и Дуань Цунчжи стал для Цинь Кэ привычной деталью интерьера.

Но даже если так... Если он сам тоскует по шоколаду, значит, и Цинь Кэ невольно скучает по нему?

«Этот невыносимый мужчина мог обнимать и утешать других, но почему рядом со мной не способен выдать даже простое "я скучаю"?»

<http://bllate.org/book/18330/1765572>